

Пенькова Яна Андреевна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка 18/2;
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18
amoena@inbox.ru

Начинательные глаголы в конструкциях с инфинитивом в русской письменности XVI–XVII вв.: в поисках различий*

Для цитирования: Пенькова Я. А. Начинательные глаголы в конструкциях с инфинитивом в русской письменности XVI–XVII вв.: в поисках различий. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023, 20 (4): 739–767. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.405>

Статья посвящена исследованию различий между глаголами фазовой семантики в конструкциях с инфинитивом в среднерусской письменности XVI–XVII вв. К числу сопоставляемых глаголов относятся *начати*, *почати*, *яти*, *учати* и *стати*, а также не относящийся к фазовым, но конкурирующий с ними в формах простого будущего времени *быти*. В рамках данного исследования сравниваются конструкции с вспомогательным глаголом в перфективном презенсе, т. е. такие перифрастические (аналитические) формы, которые имеют временную референцию к будущему. Материалом исследования послужили данные старорусского подкорпуса в составе Национального корпуса русского языка. Контексты из корпуса классифицированы по следующим параметрам: вспомогательный глагол, инфинитив, агентивность/неагентивность и предельность/непредельность/моментальность глагола, стоящего в форме инфинитива, аспектуальная семантика конструкции (фазовое, итеративное, хабитуальное, общефактическое, дуративно-континуативное значения), тип клаузы, в которой употребляется перифрастическая конструкция, датировка источника, название источника, а также его регистр и жанр. В результате проведенного исследования было установлено, что каждая перифрастическая конструкция обладает уникальным набором свойств, связанных с парадигматическими ограничениями вспомогательного глагола, тяготением к определенному типу клаузы, типу регистра и жанра. Установлено, что обсуждаемые конструкции чувствительны к различным семантическим параметрам инфинитива и выражению определенной аспектуальной семантики в контексте. Показано, что перифразы с глаголом *учну* в меньшей степени связаны с выражением начинательности, поскольку возможны в контекстах, не характерных для глаголов начинательной семантики. По совокупности параметров выделяются два ярко различающихся кластера: старые конструкции с глаголами *начну*, *почну* и *иму* и новые перифразы с глаголами *учну*, *стану* и *буду*.

Ключевые слова: фазовые глаголы, аспектуальная семантика, будущее время, перифрастические конструкции, история русского языка.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект 20-18-00206 «Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов».

— Здесь как больше говорят — почал или учал?
— Учал — больше говорят, — отвечал кучер...
А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869)¹

Предварительные замечания

Семантические различия между глаголами фазовой семантики в современном русском языке не раз становились предметом описания. В монографии Е. В. Падучевой семантическим свойствам фазовых глаголов посвящена отдельная глава [Падучева 2004: 179–196]. Исследовательница выделяет собственно фазовые глаголы, которые обозначают определенную фазу процесса (начало, середину, конец; ср. *начать*), и фазовые в широком смысле, которые обозначают возникновение или прекращение ситуации (ср. *возникнуть*) [Падучева 2004: 179–196].

В русском языке (в других языках это может быть устроено несколько иначе; ср., например, литовский, в котором фазовые глаголы могут присоединять инфинитив совершенного вида) фазовые глаголы обладают общим свойством в сочетаемости: они не могут присоединять инфинитив совершенного вида (далее — СВ): **начну построить*. Причину такой избирательности Е. В. Падучева видит не столько в семантике начинательности, которая присутствует и у других глаголов СВ, не имеющих таких ограничений, сколько в «ограничении на категорию участника». Так, фазовые глаголы не сочетаются с инфинитивом СВ, поскольку такой инфинитив, как правило, обозначает событие, тогда как инфинитив несовершенного вида (далее — НСВ) — процесс.

Классическим примером собственно фазового глагола и фазового в широком смысле (начинательного) глагола, могут служить глаголы *начать* и *стать*. Различие между ними, согласно Е. В. Падучевой, состоит в том, что *начать* маркирует начальную фазу процесса, а *стать* обозначает только возникновение новой ситуации. Об этом, к примеру, свидетельствует разная сочетаемость глаголов с частицей *даже*:

- (1) а) *даже не начал рубить дрова* [осмысленно только в случае подразумеваемого 'еще не начал'];
- б) *даже не стал рубить дрова* [= 'отказался' — то ли от предложения, то ли от своего намерения, то ли от того, что от него ожидалось в данной ситуации].

В. С. Храковский в одном из выпусков «Функциональной грамматики» под редакцией А. В. Бондарко посвящает отдельный раздел описанию способов выражения фазовой семантики в русском языке. Помимо вспомогательных глаголов, начинательность может быть выражена различными приставками и конфиксами (ср. *раз-* *-ся*), имеющими между собой семантические, сочетаемостные различия и различия в продуктивности [Храковский 2001: 157–162]. Данный аспект мы в настоящей работе не рассматриваем, поскольку наш интерес распространяется на аналитические способы обозначения начинательности. В рамках последних глагол *начать* признается наиболее употребительным в сравнении с другими: он «практически всегда может выступать вместо любых начинательных глаголов, частиц, приставок и конфиксов, не меняя существенно общий смысл высказывания» [Хра-

¹ Цитата заимствована из Национального корпуса русского языка.

ковский 2001: 163–164]. На основании такой чрезвычайно широкой сочетаемости глагол *начать* отнесен авторами «Функциональной грамматики» к «служебным». В отличие от *начать*, глагол *стать* имеет гораздо больше ограничений: он не может образовывать пассивную конструкцию и не имеет аналога в НСВ, который мог бы сочетаться с инфинитивом. Начинательность у *стать* выражается при отсутствии отрицания и прежде всего в форме прошедшего времени, тогда как в форме будущего времени он семантически сближается с вспомогательным *быть* [Храковский 2001: 165–166].

Ряд особенностей конструкции *стать* + инфинитив также описывается в [Зализняк, Шмелев 2002], где показано несколько ограничений этой конструкции. Во-первых, для нее не характерна сочетаемость с точечными временными детерминантами (в *этот момент* и т. п.), поскольку эта конструкция помещает в фокус сам процесс. Во-вторых, эта конструкция «имеет тенденцию к неактуальному пониманию» [Зализняк, Шмелев 2002: 221], т. е. узуальному или хабитуальному. Эти особенности наиболее отчетливы при сопоставлении с соответствующими инхотативными глаголами с приставкой *за-*, также имеющей значение ‘начать’, ср.:

- (2) а) Он **запрыгал** (???**стал прыгать**) от радости;
б) От радости он **стал прыгать** (???**запрыгал**) до потолка, громко хохоча и ударяя себя по ляжкам.
- (3) а) Она **заволновалась** (???**стала волноваться**);
б) Теперь она **стала волноваться** (???**заволновалась**), когда сын поздно возвращается домой.

Различия между *начать* и *стать* с точки зрения их частотности в современном русском языке обсуждаются в статье [Молдован 2010]. Обращаясь к материалу Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), исследователь показывает, что в современном русском языке *начать* значительно преобладает над *стать*: «*начать* и в формах буд. времени используется чаще, чем *стать*, а в прош. времени *начать* употребляется почти в десять раз чаще, чем *стать*» [Молдован 2010: 5].

В среднерусский период — эпоху грамматикализации глагола *стати* с инфинитивом — количественное соотношение между этими глаголами в сочетании с инфинитивом (по крайней мере в формах будущего времени) могло существенно отличаться от современного. Так, в среднерусской письменности XVII в. *стати* в форме презенса² в конструкции с инфинитивом был в три раза частотнее, чем *начати* (см. [Пенькова 2019]). Кроме того, само количество фазовых глаголов в разные периоды развития русского языка было неодинаковым, а следовательно, и их семантические свойства с течением времени — по мере появления новых фазовых глаголов или, напротив, выхода из употребления старых — могли подвергаться изменению (см. об этом ниже).

Еще одним конкурентом *начать* и *стать* в будущем времени является глагол *быть* (далее — *буду*³), у которого то же ограничение на сочетаемость с видом.

² Мы будем использовать термин «презенс» расширительно, понимая под ним и формы настоящего времени, и формы простого будущего времени глаголов СВ.

³ Здесь и далее форма 1 л. ед. ч. используется для условного обозначения всех лиц и чисел.

Конструкция с *быть*, в отличие от других рассматриваемых нами, не относится к фазовым. Особенности *стану* и *буду* в сочетании с инфинитивом на материале современного русского языка посвящено исследование Н. М. Стойновой [Стойнова 2019]. В этой работе показано, что различия между данными вспомогательными глаголами заключаются прежде всего в том, что *стану*, в отличие от *буду*, требует отчетливого контраста с настоящим, что объясняет способность *буду* + инфинитив и неспособность *стану* + инфинитив употребляться в контекстах с общефактическим (4), дуративным и континуативным значениями, а также в контекстах прогрессива и с предикатами постоянного отношения, ср.:

- (4) Мы пришли в начале седьмого, сели за столик. Предупредили, что **будем** (???)**станем**) **расплачиваться** картой [Стойнова 2019: 64].

Если на материале современного русского языка глаголы фазовой семантики описаны довольно хорошо, то в исторической перспективе остается еще много неясного. В числе вопросов, требующих ответа, следующие: почему в русской письменности XVI-XVII вв. существовало такое большое количество инфинитивных конструкций с начинательными глаголами и в чем состояли различия между этими перифрастическими формами? В настоящей работе мы попытаемся предложить ответ на последний вопрос.

С точки зрения внутригенетической типологии восточнославянские языки в исторической перспективе выделяются на общеславянском фоне тем, что широко используют для референции к будущему именно конструкции с инхотивами, тогда как южнославянские — конструкции с модальными глаголами, а западнославянские — конструкции с глаголом *быть* [Andersen 2006]. Более того, даже на общевосточнославянском фоне среднерусский язык выглядит по-особому, поскольку имеет наибольшее количество таких конструкций в сравнении с другими восточнославянскими языками: три перифразы с инхотивами с корнем *-чьн-* и две конструкции (*с иму* и *стану*), которые грамматикализировались не из начинательных глаголов. К примеру, в староукраинском и старобелорусском языках глаголы *стати* и *учати* не получили такого широкого распространения, как в старорусском.

Конструкция *иму* + инфинитив использует в качестве вспомогательного глагол *яти*, который в своем исконном значении является глаголом контакта со значением 'взять, схватить' [Шевелева 2021]. Грамматикализация таких глаголов в показатели будущего времени — довольно редкое явление [Heine, Kuteva 2002]. Однако оно широко известно в нескольких уральских языках: прибалтийско-финских (эстонском, водском и мертвом ливском), а также в венгерском и мансийском [Metslang 1996].

Конструкция *стати* + инфинитив также грамматикализовалась не из конструкций с инхотивным глаголом, а из сочетаний глагола изменения положения *стати* 'встать' с инфинитивом цели [Пенькова 2021в]. Вероятно, такое активное использование начинательных глаголов в конструкциях с референцией к будущему, а также грамматикализацию других глаголов, исконно не связанных с выражением фазового значения, в показатели начинательности следует отчасти связывать с ареальными факторами, а именно с контактным влиянием финно-угорских языков. Вопрос о значительном воздействии тысячелетних контактов с уральскими

языками на русский морфосинтаксис в отдельном обосновании не нуждается (см., например, [Seržant 2021]). Именно для этих языков чрезвычайно характерна грамматикализация показателей референции к будущему через ингрессивно-инхоативную стадию [Metslang 1996], см. также [Penkova 2021]:

The constructions, occurring most often in all branches of Finno-Ugric languages but almost nowhere else are the BEGIN-type. Already Proto-Finno-Ugric (or even Proto-Uralic) seems to have had some elements of the future — polysemy of ingressivity and futurity. Finno-Ugric languages develop their futures from whatever ingressive constructions [Metslang 1996: 138].

Выбор хронологического периода для исследования (XVI–XVII вв.) не случаен. Именно в это время количество инхоативных конструкций достигает максимума, зафиксированного в истории русского языка. В раннедревнерусский период таких конструкций было всего две — с глаголами *начати* и *почати* [Юрьева 2020]. С XIII в. к ним присоединяется конструкция *иму* + инфинитив, которая тоже имела фазовое (инхоативное) значение [Шевелева 2019] и была характерна в основном для не книжной письменности.

В раннесреднерусский период (с XV в.) в письменных памятниках начинает распространяться четвертая конструкция с инхоативом — *учати* + инфинитив [Пенькова, Крысько 2020: 25], а с XVI в. — пятая — *стати* + инфинитив [Пенькова 2021в]. Кроме того, с XVI в. также начинает использоваться конструкция *буду* + инфинитив. В [Moser 1998] обосновывается польско-рутенское происхождение данной конструкции. В большинстве употреблений последняя вступает в конкуренцию с указанными перифразами (см. ниже).

При этом старые конструкции, известные еще с древнерусского периода, продолжают сосуществовать с новыми. Таким образом, к XVI в. число таких перифрастических форм достигает максимума: система инхоативных конструкций насчитывает как минимум пять элементов. В памятниках XVII в. перифразы с *иму* и *почну* уходят на периферию, практически выходя из конкурентной борьбы (хотя они до сих пор сохраняются в некоторых диалектах), и дальнейшее «соперничество» в основном происходит между перифразами с *начну*, *учну*, *стану* и *буду*. В письменности известны также конструкции с глаголами *зачати*, *вчати* и *всчати*, однако они встречаются крайне редко и поэтому в данной работе не рассматриваются.

Такое явление в языке — одновременное сосуществование нескольких функционально близких грамматических форм — обычно описывают англоязычным термином *layering*: «Within a broad functional domain, new layers are continually emerging. As this happens, the older layers are not necessarily discarded but may remain to coexist with and interact with the newer layers» [Hopper 1991: 22].

Очевидно, что постепенное расширение числа перифрастических форм фазовой семантики постоянно меняло соотношение между новыми и старыми конструкциями. Изменения могли затрагивать хронологию, т. е. одна из конструкций начинала вытеснять другую. Если вытеснения не происходило, конструкции неизбежно должны были каким-либо образом — функционально и/или стилистически — распределить между собой семантическое пространство фазовости.

История изучения

Перифрастические формы с референцией к будущему в древнерусском языке, в отличие от среднерусского, получили подробное описание (см., например, [Юрьева 2009; 2011; 2021; Шевелева 2017; 2021]). Позднесреднерусский период (XVI–XVII вв.), представляющий большой интерес с точки зрения истории перифрастических форм с референцией к будущему, изучен при этом не столь хорошо (см., например, [Křížková 1960; Молдован 2010; Пенькова 2019; 2021б; 2021в; Шевелева 2023]). Кратко прокомментируем ключевые исследования, посвященные инхоативным конструкциям в среднерусском.

Описывая употребление инфинитивных конструкций с фазовыми глаголами, Х. Кржижкова указывает на большую или меньшую распространенность конструкций с различными вспомогательными глаголами в текстах разных регионов. Так, конструкция *почну* с инфинитивом была широко распространена в новгородских памятниках и в целом на севере, тогда как *иму* + инфинитив, в сравнении с другими фазовыми конструкциями, преобладает в западнорусской письменности, впоследствии в украинских и некоторых белорусских диалектах эта конструкция грамматикализуется как форма будущего времени (ср. лит. укр. *писатиму*). Известна эта перифраза и в современных великорусских говорах (новгородских, вологодских, костромских, ярославских, нижегородских). Конструкция *учну* + инфинитив возникает и распространяется по великорусской территории из говоров центра [Křížková 1960: 126–150; Шевелева 2023: 82].

Ряд важных наблюдений относительно конструкции *учну* + инфинитив сделан в работах [Молдован 2010; Пенькова 2019; Penkova 2021; Grübsch 2022]. В частности, в моих работах предполагается, что увеличение числа инхоативных конструкций в среднерусском языке за счет конструкции *учну* + инфинитив могло быть связано с контактным влиянием финно-угорских языков, для которых очень характерна грамматикализация инхоативных конструкций или морфем (обоснование этой гипотезы см. [Penkova 2021]). При этом конструкция *учну* + инфинитив вытеснила в письменности *иму* + инфинитив, заняв ее функциональную нишу. Именно у конструкций с *иму* и *учну* отмечается отчетливо выраженная тенденция к употреблению в зависимых предложениях (гипотаксисе), что свидетельствует об их склонности на определенном этапе функционировать в роли неассертивного будущего для зависимых предикаций [Пенькова 2019].

В работе [Пенькова 2019] показано, что конструкции с *начати* и *почати* в среднерусский период преимущественно употребляются со вспомогательными глаголами в прошедшем времени, т. е. как нарративные перифрастические формы, тогда как их частотность со вспомогательным глаголом в настоящем времени существенно ниже. Это же свойство данных вспомогательных глаголов подтверждается и исследованием [Grübsch 2022], выполненном на материале «Вестей-Курантов», и хорошо согласуется с предположением И. С. Юрьевой о том, что *начати* и *почати* в прошедшем времени с инфинитивом служили перифрастической заменой имперфекту в начинательном значении [Юрьева 2020: 314].

Согласно [Пенькова 2019], соотношение форм презенса и прошедшего времени для *учати* прямо противоположно *начати* и *почати*: эта конструкция употреблялась преимущественно с вспомогательным глаголом в презенсе, т. е. использо-

влась в первую очередь для референции к будущему. Для конструкции со *стати* количественные различия между формами с вспомогательным глаголом в презенсе и прошедшем времени были нерелевантны: конструкция со *стати* представлена в письменности примерно в равном количестве как со вспомогательным глаголом в прошедшем, так и в настоящем времени.

А. М. Молдован показывает различную частотность перифрастических конструкций в текстах различных жанров и регистров [Молдован 2010]. Согласно его исследованию, в письменности до XVI–XVII вв. глаголы *начати* и *почати* противопоставлены по параметру книжности-некнижности: первый употребляется в церковнославянских текстах, второй — в гибридных и деловых источниках. Глагол *стати* в инфинитивных сочетаниях в этот период представлен в гибридных и деловых памятниках одиночными примерами [Молдован 2010: 10]. В более поздних памятниках письменности конструкция *почати* с инфинитивом вытесняется *стати* с инфинитивом. А. М. Молдован связывает этот процесс с формированием нового литературного языка. Глагол *почати* мог восприниматься в этот период как польско-рутенская языковая особенность, поскольку был широко распространен в польском и украинском языках. Русские переводчики, стремясь устранить полонизмы и рутенизмы, осуществляли выбор в пользу *начати* и *стати* с инфинитивом [Молдован 2010: 12–14].

О различиях в частотности перифрастических форм в текстах XVI в., относящихся к разным регистрам письменного языка, также идет речь в работе [Пенькова 2021]. Здесь показано, что в церковнославянских памятниках употреблялась почти исключительно конструкция *начну* + инфинитив, которая в деловых памятниках, напротив, практически не встречается. Для текстов гибридного регистра в большей степени были характерны конструкции *начну* + инфинитив и *буду* + инфинитив, для деловых памятников — конструкции с *учну* и *стану*. Конструкция с *иму*, весьма редкая в XVI в., утрачивает свою некнижную специфику, сохраняясь преимущественно в текстах гибридного регистра. Конструкция *почну* + инфинитив, также редкая в письменности, в основном фиксируется в этот период в текстах деловых.

О конкуренции между перифрастическими конструкциями *стану* + инфинитив и *буду* + инфинитив пишет О. Сван [Swan 2012]. По его мнению, в позднесреднерусском языке уже грамматикализовалось имперфективное будущее с глаголом *стану*, однако тесные контакты между русским и польским языками привели к тому, что собственно великорусская модель имперфективного будущего *стану* + инфинитив благодаря престижности польского языка в Московской Руси того времени была заменена на польско-рутенскую *буду* + инфинитив.

В работе [Grübsch 2022] на материале «Вестей-Курантов» показано, что в языке Посольского приказа в XVII в. конструкция *буду* + инфинитив уже преобладала над всеми остальными перифрастическими способами референции к будущему.

В исследовании М. Н. Шевелевой сопоставляется семантика инфинитивных конструкций со вспомогательными глаголами *почати*, *начати* и *учати* в формах презенса и прошедшего времени, показано, что семантика этих вспомогательных глаголов отличалась от значения современного русского *начать*: они маркировали не собственно начальную фазу ситуации, а «наступательность», сочетаясь с более широким классом глаголов, включая глаголы состояния [Шевелева 2023].

Как видно из представленного выше обзора, относительно специфики перифрастических форм в среднерусский период мы имеем довольно много разнообразных наблюдений, однако до сих пор нет полной и цельной картины того, как эволюционировала система конструкций с инхотативами в среднерусский период. На наш взгляд, при всей близости и сходстве конструкций с инхотативами не следует отказываться от попыток установить различия между ними и тем самым объяснить причины существования такого большого количества подобных конструкций в истории русского языка.

Материал и объект исследования

В настоящей работе мы ограничиваемся исследованием перифрастических форм только с референцией к будущему, т. е. конструкциями со вспомогательными глаголами в презенсе. Мы считаем систему перифрастических форм с референцией к будущему и к прошлому разными системами или по крайней мере разными *подсистемами*. Это подтверждается различным количеством конкурирующих конструкций в этих подсистемах и, соответственно, различным статусом перифрастических форм с *начати*, *почати* и *учати* в этих подсистемах.

Объясним подробнее, что имеется в виду. Мы исходим из того, что различия в частотности между *начну* + инфинитив и *нача(л)-* + инфинитив, *почну* + инфинитив и *поча(л)-* + инфинитив, *учну* + инфинитив и *учал-* + инфинитив не случайны и не связаны с преобладанием в среднерусском корпусе нарративов или, напротив, текстов делового характера с презентно-футуральными контекстами. Это подтверждается уже упомянутыми прямо противоположными тенденциями для *начну/почну*, с одной стороны, и *учну*, с другой стороны, а также примерным равенством частотности для *стану* + инфинитив и *стал* + инфинитив (подробнее см. [Пенькова 2019]). Очевидно, что каждая конструкция имеет свою отдельную нишу в подсистеме презентных перифраз и в подсистеме перифраз прошедшего времени. Если в подсистеме конструкций с референцией к будущему в XVI в. конкурируют и взаимодействуют между собой семь различных перифрастических форм, включая конструкции, не имеющие коррелята со вспомогательным глаголом в прошедшем времени (*иму* + инфинитив и *буду* + инфинитив), а также книжную конструкцию с вспомогательным глаголом *имѣти*, то в системе нарративных перифраз конкурируют всего четыре конструкции, что существенно меняет расстановку сил в этих подсистемах.

Еще одним аргументом в пользу возможности и целесообразности отдельного исследования подсистем с вспомогательными глаголами в презенсе и в прошедшем времени является то, что семантика глагола в разных формах времен отнюдь не симметрична. С семантической точки зрения прошедшее и будущее время различаются не только их положением на временной оси относительно момента речи, поскольку референция к будущему всегда сопровождается также выражением некоторой степени гипотетичности (ср. [De Brabanter et al. 2014: 16]). Кроме того, несимметричность между прошедшим и будущим временем затрагивает также сферу аспектуальных значений. Подтверждение таким различиям можно найти и в современном русском языке — между вспомогательным глаголом *стать* в форме презенса (простого будущего) и прошедшего времени:

...начинательное значение глагол *стать* регулярно выражает только в форме прошедшего времени изъявительного наклонения при отсутствии отрицания. <...> В форме будущего времени и повелительного наклонения глагол *стать* обычно утрачивает начинательное значение и приобретает значение глагола *быть* [Храковский 2001: 165-166].

Итак, в настоящей работе мы попытаемся рассмотреть перифрастические конструкции с инхоативами и с вспомогательным *буду* как динамическую систему конкурирующих форм и выявить различия, которые могли существовать между ними.

Материалом исследования послужили данные письменных источников среднерусского корпуса в объеме XVI и XVII вв. (объемы корпусов в момент обращения составляли соответственно 3 669 759 и 3 618 942 словоупотреблений). В отобранный для исследования корпус контекстов вошли все употребления конструкций *начну* + инфинитив, *почну* + инфинитив, *иму* + инфинитив, *стану* + инфинитив и *буду* + инфинитив, а также выборка из 100 контекстов с *учну* + инфинитив для XVI в. и из 250 контекстов — для XVII в. Различный объем примеров из источников XVI и XVII вв. для конструкций с *учну* объясняется необходимостью при анализе оперировать сопоставимыми величинами. Частотность других рассматриваемых перифрастических форм в корпусе XVI в. в момент обращения не превышала 70 примеров, поэтому для текстов этого периода выборка из 100 примеров для *учну* + инфинитив оказывается достаточной. Частотность перифрастических конструкций в корпусе XVII в. значительно выше: для *стану* и *буду* она располагается в диапазоне 250–300 вхождений (табл. 1), что требует подобрать сопоставимое число примеров с конструкцией *учну* + инфинитив.

Таким образом, мы получили 1241 контекст из памятников среднерусской письменности XVI–XVII вв.: 338 контекстов с перифрастическими конструкциями из источников XVI в. и 903 — из источников XVII в. Подробнее данные представлены в табл. 1.

Таблица 1. Распределение количества употреблений перифрастических конструкций в выборке

Конструкция	XVI в.	XVII в.
<i>Иму</i> + инфинитив	24	2
<i>Начну</i> + инфинитив	70	94
<i>Почну</i> + инфинитив	23	10
<i>Учну</i> + инфинитив	100*	250*
<i>Стану</i> + инфинитив	59	295
<i>Буду</i> + инфинитив	62	252
Всего	338	903

Методы исследования

Прямое сопоставление контекстов с инхоативами едва ли может существенно продвинуть нас в решении вопроса о том, в чем состоят различия между перифрастическими формами с инхоативами и почему в среднерусской письменности,

в отличие от современного русского языка, существовало такое большое разнообразие инфинитивных конструкций с фазовыми глаголами, ср. разные перифрастические конструкции в одном и том же контексте в разных летописях в сопоставлении с данными «Повести временных лет»:

- (5) толи не буди мира межи нами, влиже камень **начнеть пл(а)вати**, а хмель **грязнути** [Повесть временных лет по Ипатьевскому списку]⁴.
- (6) когда **иметь** хмель **грязнути**, а камень **плавати**, и тогда не будет мира между нами [Степенная книга (Книга Степенная царского родословия). 1-я степень [Владимир I Святославич] (1560–1563)].
- (7) аще ли не будет мира межъ нами, и егда **начнеть** камень **плавати**, а хмель на водѣ **грязнути**, тогда вамъ дань взяти [Никоновская летопись (859–1176 гг.) (1526–1530)].
- (8) тогда не буди межди нами мира, егда камень **учнет** по воде **плавати**, а хмель **грязнути** [Пискаревский летописец (1600–1650)].

На наш взгляд, при анализе системы перифрастических форм с инхотативами необходим комплексный подход — учет одновременно нескольких параметров для каждой конструкции. Различия между *начну*, *почну*, *иму*, *учну*, *стану* и *буду* в сочетаниях с инфинитивом следует искать именно в различной комбинации этих параметров, их уникальном сочетании для каждой отдельной конструкции. Возможными параметрами, по которым можно проводить сопоставление перифрастических форм, могут быть парадигматический, семантический, синтаксический, жанрово-стилистический и территориально-диалектный. Иными словами, сравнивать конструкции целесообразно по всем этим направлениям.

Для этого все контексты в выборке мы разметили по следующим параметрам:

- вспомогательный глагол;
- инфинитив;
- агентивность/неагентивность (для инфинитива);
- акциональный класс (для инфинитива);
- аспектуальная семантика конструкции;
- тип клаузы;
- дата источника;
- название источника;
- жанр источника;
- регистр источника.

Парадигматические, жанрово-стилистические и синтаксические различия, уже отчасти подвергавшиеся исследованию, будут кратко описаны в соответствующих разделах.

В последней части мы перейдем к обсуждению наименее изученного вопроса, связанного с семантическими различиями между перифрастическими формами. В этом же разделе будут подробнее прокомментированы применявшиеся при этом принципы классификации контекстов.

Диалектные различия останутся вовсе за рамками настоящего исследования, поскольку материал старорусского корпуса, содержащий достаточно большое ко-

⁴ Здесь и далее в примерах из НКРЯ названия среднерусских памятников и их датировка приводятся в том виде, в котором они даны в корпусе, и в списке источников отдельно не указываются.

личество книжных памятников, не позволяет с высокой степенью надежности говорить о региональных особенностях употребления. Для этого необходимо подбирать особый корпус не книжных текстов, что должно стать предметом отдельного исследования.

Различия между конструкциями с инфинитивом

Парадигматические ограничения

В современном русском языке к фазовым конструкциям с инфинитивом принадлежат конструкции с *начать* и *стать*. В будущем времени эти конструкции также конкурируют с формой аналитического будущего (*буду* + инфинитив). Наряду с описанными выше семантическими различиями, между этими конструкциями существуют и различия парадигматические, т. е. разные вспомогательные глаголы, употребляясь с инфинитивом, допускают разный набор грамматических форм (подробнее о различиях *буду* и *стану* в этой области см. [Стойнова 2019]). В табл. 2 указаны формы, возможные для каждого из глаголов в конструкции с инфинитивом. Заполненные ячейки таблицы указывают соответствующую грамматическую форму, а ячейки с прочерком означают, что такая форма в конструкции с инфинитивом невозможна.

Таблица 2. Парадигматические ограничения инфинитивных конструкций с *начать*, *стать* и *быть* в современном русском языке

Начать	Стать	Быть
FUT (PRS. PFV)	FUT (PRS. PFV)	FUT (PRS. PFV)
PST	PST	—
INF	—	—
IMP	—	—
PTCP	—	—

Для среднерусского периода подобную таблицу с парадигмой для различных перифрастических форм можно составить на материале старорусского корпуса НКРЯ. Для максимально полного охвата возможных форм, в которых в среднерусской письменности встречаются рассматриваемые вспомогательные глаголы, мы также учитывали материалы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и его картотеки (картотеки ДРС). Изученный нами материал позволяет составить табл. 3.

Таблица 3. Парадигматические ограничения инфинитивных конструкций с *начати*, *почати*, *яти*, *учати*, *стати* и *быти* в среднерусской письменности

Начати	Почати	Яти	Учати	Стати	Быти
PRS. PFV					
PST	PST	—	PST	PST	—
AOR	AOR	—	—	AOR	—
INF	INF	—	—	—	—
PTCP	—	—	—	—	—

Как видно из таблицы, для каждого из глаголов парадигма, зафиксированная в памятниках письменности, была разной. Для *начати* она была максимально широкой и включала в себя форму инфинитива и причастий, ср.:

- (9) А сказал: в прошлом-де 122 году по благословению архиепископа Нектария Вологодцкого и Великопермского **начать строити** храм во имя Успения Пречистые Богородицы [Благословенная грамота митрополита Новгородского и Великолуцкого Макария священнику Луке Семенову... (1623.12.23)].
- (10) А блаженнаго Бориса обвертеша в шатер, возложиша на кола и повезоша и. И яко быша на бору, **начав скланяти** главу свою. И се уведев окаянный Святополк и посла 2 варяга, и прободоста и мечем в сердце [Пискаревский летописец (1600–1650)].
- (11) Тогда же случившимся в царских полатах бояром всем и вельможам сидящих о делех царских, токмо **наченших разъезжатися**. Еще иным идущим стрелцом, срете их против соборныя церкви на площади у патриарша двора боярин князь Иоанн Андреевич Хованской [Летописец 1619–1691 гг. (1692)].

Почти такая же широкая парадигма зафиксирована в памятниках и для глагола *почати*, для которого нам не удалось найти примеров с формой причастия, однако употребления со вспомогательным глаголом в инфинитиве спорадически встречаются:

- (12) А **почать** та работа **работать** намъ наемшикамъ сего жъ 207 году, какъ та работа кирпичная поспѣеть. [Дело о неисполнении подряда сделать 300 000 кирпичу (1699.10.14)].

Важным отличием *учати* от *начати* и *почати* является существенно менее широкая парадигма форм, возможных для этого глагола в сочетании с инфинитивом. Более того, этот глагол никогда не встречается в памятниках среднерусской письменности *вне* сочетаний с инфинитивом и фактически представлен в письменности только в формах презенса и прошедшего времени (*учал-*). Узкая парадигма и невозможность свободного употребления не позволяет нам ставить его в один ряд с глаголами *начати* и *почати*, несмотря на то что все три глагола имеют один и тот же корень *-чьн-*. *Учати* ведет себя исключительно как матричный предикат, т. е. представляет собой аналитическое, но не лексическое средство выражения фазовой семантики (см. об этом также в работе [Пенькова 2023]).

Любопытным отличием парадигмы глагола *учати* от *стати* является отсутствие примеров первого в форме аориста, что свидетельствует о не книжном статусе конструкций с глаголом *учати*. По-видимому, это ограничение объясняет и более низкую частотность перифрастических форм с глаголом *учати* в прошедшем времени (т. е. низкую частотность л-форм) в сравнении с формами презенса.

Важной отличительной чертой конструкций с *иму* и *буду* являлась их специализация исключительно на конструкциях с референцией к будущему. По-видимому, именно эта особенность и стала одной из решающих причин того, почему в конкуренции за роль имперфективного будущего в истории русского языка победила именно конструкция с *буду*.

Стилистические различия

Рассмотрим различия в частотности перифрастических форм с инхоативами в среднерусской письменности в зависимости от регистра письменного языка. Количественные данные по употреблению интересующих нас конструкций приводятся в табл. 4. Данные статистики для памятников XVI в. заимствованы из работы [Пенькова 2021a] и дополнены ниже данными относительно распределения конструкций в текстах разных жанров. Данные из памятников XVI в. сопоставляются с данными из текстов XVII в. Статистика употреблений в текстах бытового регистра приводится только для XVII в., поскольку для XVI в. мы не располагаем соответствующими текстами в достаточном количестве.

Таблица 4. Частотность инфинитивных конструкций с *начну*, *почну*, *иму*, *учну*, *стану* и *буду* в текстах разных регистров

Конструкция	Церковно-славянский регистр		Гибридный регистр		Деловой регистр		Бытовой регистр	Всего	
	XVI в.	XVII в.	XVI в.	XVII в.	XVI в.	XVII в.	XVII в.	XVI в.	XVII в.
<i>иму</i> + инфинитив	1	—	15	2	8	—	—	24	2
<i>почну</i> + инфинитив	—	—	10	8	12	1	1	23	10
<i>начну</i> + инфинитив	14	2	55	71	1	13	8	70	94
<i>учну</i> + инфинитив	1	1	29	49	70	194	6	100	250
<i>стану</i> + инфинитив	—	6	11	43	48	184	62	59	295
<i>буду</i> + инфинитив	—	2	47	93	15	127	30	62	252

Для области, выделенной серым, мы посчитали значимость представленных в таблице различий с помощью χ^2 . Выборочный характер применения статистических подсчетов (исключены из подсчетов низкочастотные конструкции с *иму* и *почну*) связан с тем, что chi-square не может быть применен, если тот или иной параметр принимает нулевое значение. Подсчеты показали, что представленное в сером секторе таблицы распределение значимо ($p\text{-value} < 0,00001$)⁵.

Как видно из табл. 4, в XVI в. *начну* + инфинитив является фактически единственной инхоативной конструкцией в текстах церковнославянских, эта же перифраза преобладает в гибридном регистре, в котором второй по частотности является конструкция *буду* + инфинитив.

Существование нескольких конструкций в текстах одного регистра не означает, что отсутствуют какие-либо закономерности в их употреблении. Так, *начну* + инфинитив и *буду* + инфинитив оказываются распределены по текстам разных жанров: конструкции с *начну* встречаются преимущественно в языке летописей, тогда как конструкции с *буду* в летописях практически не фиксируются, а встречаются в основном в публицистике (сочинения Ивана Пересветова, Андрея Курб-

⁵ Использован онлайн-калькулятор Social Science Statistics. URL: <https://www.socscistatistics.com/> (дата обращения: 10.12.2021).

ского) и поучениях, ср. табл. 5 (в таблице полужирным выделены данные в ячейках с очевидно значимым различием в употреблении конструкций).

Таблица 5. Распределение перифрастических форм в наиболее распространенных жанрах гибридного регистра в XVI в.

Жанр источника	<i>Начну</i> + инфинитив	<i>Учну</i> + инфинитив	<i>Почну</i> + инфинитив	<i>Иму</i> + инфинитив	<i>Стану</i> + инфинитив	<i>Буду</i> + инфинитив
Летописи	35	12	10	13	3	3
Повести	3	2	—	1	2	1
Послания	4	5	—	—	3	8
История	4	2	—	—	—	2
Домострой	5	3	—	—	—	—
Почуения	1	—	—	—	—	13
Публицистика	—	1	—	—	—	13
Другое	3	4	—	1	3	3

В текстах XVI в., принадлежащих деловому регистру, рассматриваемые конструкции также употребляются не хаотично, но обнаруживают некоторое распределение по текстам разных жанров. Так, наиболее частотные в деловых текстах конструкции *учну* + инфинитив типичны для языка грамот, тогда как в источниках, принадлежащих к дипломатической сфере (посольские книги, статейные списки), чаще фиксируются конструкции со *стану*, см. табл. 6.

Таблица 6. Распределение перифрастических форм в наиболее распространенных жанрах деловой письменности XVI в.

Жанр источника	<i>учну</i> + инфинитив	<i>стану</i> + инфинитив	<i>почну</i> + инфинитив	<i>иму</i> + инфинитив	<i>буду</i> + инфинитив
Грамоты	48	19	7	7	5
Челобитные	1	2	—	—	1
Посольские книги	4	16	—	1	—
Статьейные списки	5	7	—	—	3
Записные книги	2	—	—	—	—
Записи	4	—	—	—	—
Приговоры	2	—	—	—	—
Наказы	—	—	5	—	—
Другое	4	4	—	—	2

В XVII в. распределение по регистрам письменного языка для конструкций с *учну* и *стану* существенных изменений не претерпевает. Изменения затрагивают прежде всего конструкции с *начну* и с *буду*. Можно заметить, что *начну* с инфини-

тивом начинает утрачивать свою книжную маркированность и проникает в деловую и даже бытовую письменность (см. табл. 4), ср.:

- (13) Также будет кто при державе царьского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления **начнет** рать **збирать**, или кто царьского величества с недруги учнет дружитца... и про то на него кто известит, и по тому извету сыщетца про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнити смертию [Соборное уложение 1649 г. (1649)].
- (14) И будетъ убойца **начнетъ говорити** съ пытки, что убиль неумышленіемъ, въ дракъ пьянымъ дѣломъ, и того убійцу бивъ кнудомъ и дати на чистую поруку зъ записью [Дело о причинении во время драки увечья, имевшего последствием своим смерть изувеченного (1697.04.24)].

Наиболее существенные изменения происходят в употреблении конструкции *буду* + инфинитив: если в XVI в. она была представлена практически исключительно в определенных жанрах гибридного регистра, то в XVII в. эта конструкция широко проникает в деловую (15) и бытовую письменность (16), периодически встречаясь и в церковнославянских текстах, ср.:

- (15) А тебѣ Кандратей Петровичъ конечно денги заплачу, приѣду сеѣ осени не ба-вися въ Невль, а зъ Невля **буду просить** и **писать** ко властѣмъ съ великимъ упрошеніемъ прощенія [Изветная челобитная архимандрита Антония о побеге монастырского стряпчего Степана Лапезовского и расспросы, учиненные работнику бежавшего Ивану Иванову (1694–1695)].
- (16) ...а что гсдрь по челобью сдѣлаетца і о том млсти твоеи **будем писат** [П. Окулов. П. Окулов К. П. Калмыкову (1698)].

Посмотрим теперь на распределение конструкций по различным жанрам гибридного и делового регистров в памятниках XVII в. (табл. 7). Тексты других регистров отдельно не рассматриваются, так как количественные данные не позволяют делать выводы.

Таблица 7. Распределение перифрастических форм в жанрах гибридного регистра XVII в.

Жанр источника	<i>начну</i> + инфинитив	<i>учну</i> + инфинитив	<i>почну</i> + инфинитив	<i>стану</i> + инфинитив	<i>буду</i> + инфинитив
Летописи	14	7	3	22	10
Повести	2	2	1	—	2
Исторические сочинения	7	—	—	2	24
Драмагургия	11	33	1	4	48
Заговоры	7	2	—	12	—
Плачи	3	—	—	—	—
Пророчества	1	1	—	—	6
Церковный устав	25	4	3	2	—
Сказания	—	—	—	1	—

Данные таблицы позволяют обнаружить ряд изменений по сравнению с XVI в. В XVII в. конструкция *стану* + инфинитив значительно шире представлена в летописях и даже «обгоняет» в текстах этого жанра наиболее типичную для летописей в XVI в. перифразу *начну* + инфинитив. Последняя удерживает свои позиции только в тексте церковного устава. Напротив, в исторических сочинениях резко преобладает *буду* + инфинитив. Для драматургии основными конструкциями служат *буду* + инфинитив и *учну* + инфинитив, для заговоров — *стану* + инфинитив.

Распределение между различными жанрами делового регистра также обобщим в виде табл. 8.

Таблица 8. Распределение перифрастических форм в наиболее распространенных жанрах деловой письменности XVII в.

Жанр источника	<i>учну</i> + инфинитив	<i>стану</i> + инфинитив	<i>почну</i> + инфинитив	<i>начну</i> + инфинитив	<i>буду</i> + инфинитив
Грамоты	60	54	—	8	34
Челобитные	—	13	—	—	8
Статейные списки	2	11	—	—	35
Записные книги	10	10	—	—	—
Записи	5	9	—	—	—
Соборное уложение	56	17	—	2	—
Наказы	28	5	—	—	20
Выписка	8	1	—	—	2
Отписка	13	33	1	1	15
Доклад	2	11	—	—	2
Судное дело	1	6	—	2	5
Хозяйственные книги	3	5	—	—	—
Другое	6	7	—	—	5

Исходя из данных таблицы, в деловых текстах XVII в. в сравнении с предыдущим столетием наметился ряд изменений. Наиболее существенные сдвиги происходят в употреблении конструкции *буду* + инфинитив, которая широко проникает в различные жанры деловой письменности, преобладает в дипломатическом дискурсе (в XVI в. для него более частотной была конструкция со *стану*), причем именно в тех жанрах, которые наиболее тесно связаны с передачей неклишированной речи и менее ориентированы на традиционные формулы-клише (отписки, указы). Напротив, эта конструкция не используется в Соборном уложении, где всецело преобладает *учну* + инфинитив.

Синтаксические различия

В данном разделе мы рассмотрим, обнаруживают ли исследуемые нами перифрастические формы склонность к употреблению в определенных видах гипотакси-

са. По данному критерию эти конструкции уже сопоставлялись в [Пенькова 2019], однако статистические данные приводились только для конструкций с глаголами *иму*, *имамь*, *учну*, *стану* и *буду*, ранне- и позднесреднерусский периоды не разграничивались. В настоящем разделе мы приведем данные для всех конструкций с инхотативами, включая глаголы *начну* и *почну*, и представим отдельно статистику для XVI и XVII вв. (табл. 9).

Таблица 9. Особенности употребления перифрастических конструкций в различных типах клауз

Тип клаузы	<i>Начну</i> + инфинитив		<i>Почну</i> + инфинитив		<i>Иму</i> + инфинитив		<i>Учну</i> + инфинитив		<i>Стану</i> + инфинитив		<i>Буду</i> + инфинитив	
	XVI	XVII	XVI	XVII	XVI	XVII	XVI	XVII	XVI	XVII	XVI	XVII
Условный протасис	15	19	11	3	8	—	42	110	22	101	13	18
Относительная	3	3	4	1	12	—	38	3	10	64	13	54
Времени	6	16	5	3	1	—	6	9	6	18	3	9
Аподосис	15	8	—	—	2	—	5	18	4	27	5	36
Независимая	28	46	1	3	1	2	7	28	12	78	19	117
Другие	3	2	—	—	—	—	1	9	5	4	9	18
Всего	70	94	23	10	24	2	100	250	59	295	62	252

Для выделенной серым области, содержащей распределение конструкций в зависимости от типа клаузы в текстах XVII в. (исключены низкочастотные конструкции с *иму* и *почну*), мы также посчитали значимость указанных в таблице различий с помощью *chi-square*: различия в распределении конструкций для текстов XVII в. также являются значимыми (*p-value* < 0,00001).

Как видно из табл. 9, в источниках XVI в. конструкции с *учну* обнаруживают явную тенденцию к употреблению в условных и относительных придаточных. Примеров для *почну* и *иму* мало, что не позволяет делать определенные выводы. Конструкции с *начну*, в отличие от *учну*, напротив, более частотны в независимом употреблении. Предпочтения в типе гипотаксиса у *стану* наименее выражены, хотя условный протасис преобладает. Конструкция *буду* + инфинитив не обнаруживает склонности к определенному виду гипотаксиса и наиболее частотна именно в независимом употреблении.

В текстах XVII в. существенных изменений не происходит: *начну* и *буду* преобладают в независимом употреблении, *учну* — в условном протасисе. При этом *учну* чуть чаще фиксируется в независимом употреблении и в главной части сложноподчиненной конструкции в сравнении с XVI в. *Стану* + инфинитив чаще всего фиксируется в условных придаточных, однако вторым по частотности для него служит независимое употребление. Можно заключить, что *учну* + инфинитив и *иму* + инфинитив склонны к гипотаксису, *буду* + инфинитив и *начну* + инфинитив — к паратаксису, а *стану* + инфинитив ведет себя безразлично по отношению к данному параметру.

При этом, читая таблицу в горизонтальном направлении, можно заметить, как в XVII в. новые конструкции начинают вытеснять старые в определенных типах

клауз. Конструкция *учну* + инфинитив, господствовавшая в XVI в. в условных придаточных, в XVII в. уже делит эту сферу с конструкцией *стану* + инфинитив. В относительных предложениях первая уступает в XVII в. конструкциям со *стану* и *буду*. Если в XVI в. в аподосисе самой частотной конструкцией была перифраза с *начну*, то в XVII в. — со *стану* и *буду*. То же справедливо и для независимых клауз.

Семантические различия

В данном разделе мы будем сравнивать конструкции по нескольким семантическим параметрам: по признаку агентивности/неагентивности и акциональным классам инфинитивов, сочетающихся с тем или иным вспомогательным глаголом, а также по типу аспектуального значения конструкции в контексте. Распределяя инфинитивы по акциональным классам, мы используем классификацию З. Вендлера и Ю. С. Маслова, которая была уточнена Е. В. Падучевой с учетом признака контролируемости/неконтролируемости, и различаем следующие классы:

- *действия* (предельность+, агентивность+, конкретно-процессное значение+);
- *деятельности* (предельность-, агентивность+, конкретно-процессное значение+);
- *состояния* (предельность-, агентивность-, конкретно-процессное значение-);
- *предельные процессы* (предельность+, агентивность-, конкретно-процессное значение+);
- *непредельные процессы* (предельность-, агентивность-, конкретно-процессное значение+);
- *моментальные действия* (с семантическим компонентом моментальности, т. е. с акцентом на результате; агентивность+, конкретно-процессное значение-);
- *происшествия* (с семантическим компонентом моментальности, т. е. с акцентом на результате; агентивность-, конкретно-процессное значение-).

Классификация инфинитивов по акциональным классам осуществлялась нами на основе конкретного лексического значения, представленного в контексте, поскольку один и тот же глагол в зависимости от значения может относиться одновременно к разным классам. Так, глагол *владѣти* в значении ‘господствовать, царить’ следует относить к стативам (17), а в значении ‘управлять’ — к предикатам деятельности (18); глагол *бити* в примере (19) является предикатом непредельного процесса, а в контексте (20) — предикатом деятельности; глагол *жити* в примере (21) мы относим к предикатам деятельности, а в контексте (22) — к стативам:

(17) До тѣх мѣсть стояти будет государство всякое, пока мѣста в нем добродѣтель **владѣти будет**, и добрые святые и праведные обычаи и постановленья в чести содержаные будутъ [О причинах гибели царств (1600–1610)].

(18) И детей моих, Никифора и Гаврила, ему, Богдану, грамоте научити и беречи и покои ти всем, покаместа Бог их подымет на свои ноги, и **станут** собою сами **владети** [Данная Ивана Григорьевича Нагого своему человеку Богдану Сидорову на сц. Ануфриево с дд. в Селехове слб. Бельского у. (1597–1598)].

- (19) На воротах тое ратуши зделаны часы великие, удивительнаго строения: те часы бьют перечастье мусикийским согласиєм; и как те часы **станут бить** перечастье, в то время видимо, что люди, вырезанные из дерева, бьют в колокола руками [Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)].
- (20) ...на которую сторону придут воровские люди, и там **станут** в колокол **бить** и ис пушек стреляти, и бояре и воеводы все полки туды пойдут [Пискаревский летописец (1600–1650)].
- (21) Аще ли преидет, не явися нам самем, или, забыв страх Божий и святых апостолов и святых богоносных отцев заповеди, и **начнет** свое зазорное житие **жить** и упиватися до великаго пьянства, и он иеромонашеская да не действует во святей Божии церкви по сей нашей благословенной иеромонашеской граммате [Благословенная грамота Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важского, иеромонаху Ионе на служение в Никольской церкви Маркушевского монастыря (1695.05.30)].
- (22) ...кто у него въ его домовыхъ вотчинахъ и въ слободахъ **стануть жити** его епископлихъ людей и крестьянъ, и тѣмъ его людемъ и крестьяномъ нашихъ никакихъ податей и денежныхъ поборовъ и казачьихъ хлѣбныхъ запасовъ и кормовъ съ сошными людьми не давати [Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Рафаилу, епископу Коломенскому и Каширскому, о подчинении его ведомству в Большом Микулинском стану и других местах сел, деревень с мельницами, лесами и другими угодьями и о проч. (1627.09.23)].

Далее сравним сочетаемость конструкций с параметрами агентивности/неагентивности и предельности/непредельности/моментальности. Сначала приведем результаты сопоставления по параметру агентивности/неагентивности. Данные представим в виде табл. 10. Полужирным мы выделяем данные, существенно отклоняющиеся в сторону полюса агентивности, курсивом — в сторону полюса неагентивности.

Чтобы верно оценить данные этой и последующих таблиц, необходимо учитывать, что в выборке в целом агентивные контексты преобладают над неагентивными, соотношение между ними составляет примерно 82 к 18 %, поэтому оценивать надо не абсолютное соотношение между агентивными и неагентивными употреблениями, а отклонение от средней величины.

Таблица 10. Различия между перифрастическими конструкциями по параметру агентивности/неагентивности

Конструкции	Агентивные, количество (%)	Неагентивные, количество (%)	Всего
<i>Иму + инфинитив</i>	14 (54)	12 (46)	26
<i>Начну + инфинитив</i>	120 (73)	44 (27)	164
<i>Почну + инфинитив</i>	23 (70)	10 (30)	33
<i>Учну + инфинитив</i>	294 (84)	56 (16)	350
Стану + инфинитив	331 (94)	23 (6)	354
<i>Буду + инфинитив</i>	227 (73)	87 (27)	314
Всего (среднее)	1020 (82)	231 (18)	1251

Как видно из табл. 10, конструкция *учну* + инфинитив абсолютно безразлична к этому параметру, так как процентное соотношение агентивных и неагентивных контекстов практически в точности совпадает со средним по выборке (84 и 16 % соответственно).

На этом фоне, напротив, ярко выделяется конструкция *стану* + инфинитив, которая явно чувствительна к параметру агентивности: агентивные контексты представлены в 94 % случаев, тогда как неагентивные — всего в 6 %. Для XVI в. агентивных контекстов с конструкцией *стану* + инфинитив вовсе всего три. Склонность к агентивным употреблениям у этой конструкции связана с ее происхождением: она грамматикализуется из сочетания глагола изменения положения с целевым инфинитивом, который возможен только с контролируемыми ситуациями (подробнее см. [Пенькова 2021в]).

На противоположном полюсе располагаются конструкции с *иму*, *буду*, *начну* и *почну*. Конструкция *иму* + инфинитив больше всех отклоняется от среднего в сторону неагентивных контекстов (46 % таковых). Конструкции *начну* + инфинитив и *почну* + инфинитив тоже допускают больший процент неагентивных контекстов, чем в среднем по выборке: 27 и 30 % соответственно, однако склонность к неагентивным употреблениям у этих конструкций не столь выражена. Примерно так же ведет себя и конструкция *буду* + инфинитив.

Посмотрим теперь, влияет ли признак предельности/непредельности/моментальности у инфинитива на выбор конструкции с тем или иным вспомогательным глаголом. Представим результаты сопоставления в виде табл. 11. Полу жирным выделены данные, в которых процент случаев существенно выше среднего по выборке, курсивом — существенно ниже среднего.

Таблица 11. Различия между перифрастическими конструкциями по параметру предельности/непредельности/моментальности

Конструкция	Предельность, %	Непредельность, %	Моментальность, %
<i>Иму</i> + инфинитив	4	73	23
<i>Начну</i> + инфинитив	7	71	22
<i>Почну</i> + инфинитив	12	46	42
<i>Стану</i> + инфинитив	9	45	46
<i>Учну</i> + инфинитив	5	45	50
<i>Буду</i> + инфинитив	4	60	36
Среднее	6	53	41

Как видно из таблицы, такие конструкции, как *стану* + инфинитив и *буду* + инфинитив, совсем не чувствительны к этому параметру. Напротив, конструкции с *иму* и *начну* обнаруживают большую склонность к употреблению с непредельными предикатами, т. е. со стативами, предикатами, обозначающими деятельности и непредельные процессы, и, с другой стороны, реже склонны сочетаться с моментальными глаголами. Среди всех конструкций чаще всего употребляются с моментальными глаголами конструкции с *учну*:

- (23) А продадут ту рожь, а **учнут** что **купи[ти]** на монастырскую потребу, а **учнут** то опять **продовати**, и наши таможенники московские и пошленники у них тамгу и пошлину емлют как с торговых людей [Жалованная тарханно-проезжая грамота в. кн. Василия Ивановича иг. Иос.-Волок. монастыря Даниилу, с подтверждениями 1534–1551 гг. (1515.09.20–1520.09.20)].
- (24) И по молитвѣ повелѣ Васиану поблиску себя съѣсти, и нача умилными рѣчьми говорити владыка сице: «Васиянъ, спи ты у меня в прежней кѣльи да бреги, какъ видиши меня **учну представлятися**, и ты бы потщался канунъ проговорити на исход души» [Вассиан Кошка. Рассказ Вассиана Кошки о последних днях и представлении тверского епископа Акакия (1567)].

Классификация по типу аспектуального значения основана на аспектуальной семантике конструкции в контексте. Мы различаем, с одной стороны, группу значений, связанных с футуральной семантикой, а с другой — не связанных с таковой. К последним относятся *хабитуальные* контексты, в которых речь идет об узуальных ситуациях в прошлом:

- (25) Болѣзнь же сицева бысть... разболѣвся, челоуѣкъ **начнетъ** кровію **хракати**, и огонь разжеть, и посемъ потъ иметь, и потомъ дрожь иметь; и тако похожаще по всѣмъ суставамъ челоуѣчимъ недугъ той [Никоновская летопись (1362–1424 гг.) (1526–1530)].
- (26) По сих же **начнут глаголати** и толмачи от них глаголатъ, глаголюще трети языкъ, гречьскы, фрязскы и философскы, и книгъ много снесут пред ними, и глаголаше разидошася, и тако по три дни дѣлающе [Московский летописный свод (1560–1570)].

Все прочие семантические типы относятся к сфере футуральности (референции к будущему). Среди этих значений мы выделяем группу начинательных (фазовых) значений, к которым относятся *собственно фазовые* (инхоативные — начало состояния (27), ингрессивные — начало непредельного процесса или деятельности (28) и инцептивные — начало действия или предельного процесса (29)) и фазовые серийные (*итеративное* значение, начало серии ситуаций (30)):

- (27) А не пойдет жена моя замуж, а **почнет сидети**, ина жити ей на Молечкине да ее живота, а после ее живота по том же монастырем те земли дать [Память с духовной Петра Матвеева с. Молечкина (1523–1524)].
- (28) а что **учнуть** великіе князи съ вами **говорити** которое свое дѣло, или бояря великого князя кой съ кѣмъ отъ васъ **иметь** которое дѣло великихъ князей **говорити**, и того вамъ государьскаго дѣла не проносити по тому крестному цѣлованію [Никоновская летопись (1425–1506 гг.) (1526–1530)].
- (29) Аще которую жену дитя томить долго, напиши на бумаге: Помяни, Господи, сыны Едомские во дни Иеросалимовы, глаголющая: Истошайте, истошайте до основания его. То положити жене въ пазуху молитва его да **начнет** жена дитя **родити** [Молитва на облегчение родов (1670–1680)].
- (30) А **учнут** монастырские хрестьяне, в городе в Рузе и по в[олоستم] ездя, **торговати по празником** каким товаром нибуди, и таможенником моим рузским тамга имати со всякого то[ва]ру на меня ж, на князя Юрья Ивановича [Жалованная оброчная и несудимая грамота дмитровского кн. Юрия Ивановича Иос.-Вол. монастыря иг. Иосифу на с. Белково с дер. и сельцо Стан с дер. в разных станах Рузск. у. (1509.11.28)].

В группу нефазовых значений попадают контексты с *общефактическим* значением⁶ (31–32) и *дуративно-континуативные* контексты (33–35):

- (31) И казне деи твоей стал великой убыток, а будет деи **станешь** к Асторохани вперед нас **посылати**, и ты деи вели здесе казнити смертью, чем деи нам там напрасно померети же [Статейный список И. П. Новосильцева (Турция) (1570)].
- (32) А каторой нас **учнет** тае вотчину **переделивать** или царю и государю о деловщике бити челом, — ина на том взять сто рублей денег по сем деловым грамотом [Деловая Ивана, Тимофея, Михаила и Григория Тарасовых детей Мечова и Ивана и Григория Васильевых детей Мечова на сельцо Ошитково и сельцо Третьяково с дер. и пустошами (противень детей Тараса Мечова) (1551–1552)].
- (33) Били есте намъ челомъ отъ своего государя Фредерика короля и отъ брата его Магнуша князя, чтобъ намъ земли Эзелскіе и Вики воеводамъ своимъ и всѣмъ ратнымъ людемъ воевати не велѣти, **доколь** отъ Фредерика короля къ намъ болшіе послы **будуть бити челомъ** о дружбѣ и о тѣхъ земляхъ договоръ учинять [Ответ датским послам Дидриху Беру с товарищами относительно границ в Ливонской земле и ожидания прибытия весной «больших послов» для переговоров по этому предмету (1561)].
- (34) ...а ото всѣхъ государствъ отъ всякихъ людей честь и хвала *во веки* **слыти будеть** [Соборная грамота российского духовенства Донскому казачьему войску о принятии мер против Заруцкого и Марины с описанием бедствий, нанесенных ими государству (1614.03.18)].
- (35) ...коли въ государстве **не будеть владѣти** гордость и лакомство, таково же и злое хотѣние и иные бездѣлья и злоба, тогда в том государстве всякие дѣла крѣпкіе и непоколебимые будутъ [О причинах гибели царств (1600–1610)].

Посмотрим теперь на распределение конструкций с рассматриваемыми глаголами в зависимости от типа аспектуального значения. Результаты сопоставления представим в виде таблицы. Полу жирным выделены случаи существенного отклонения от среднего по выборке в сторону увеличения, курсивом — в сторону уменьшения процента.

Таблица 12. Различия между перифрастическими конструкциями по типу аспектуального значения, %

Семантический тип	Иму + инф	Начну + инф	Почну + инф	Стану + инф	Учну + инф	Буду + инф	Среднее
Фазовые	73	48	58	23	30	22	34
Итеративные	0	10	21	36	41	28	31
Хабитуальные	4	36,5	6	8	9	7	14
Общефактические	12	5	9	30	15	17	20
Дуративные, континуативные	0	0	0	0	3	4	3

⁶ Строго говоря, термин *общефактическое значение* используется по отношению к формам прошедшего времени. Мы понимаем данный термин расширительно, в том числе по отношению к точечным событиям в будущем, не делимым на фазы (вслед за Н. М. Стойновой [Стойнова 2019]).

Как видно из табл. 12, конструкции с *иму*, *начну* и *почну* тяготеют к начальным контекстам, в отличие от *стану* и *буду* (ср. наблюдения над *стану* + инфинитив в современном русском языке, указывающие на ее тяготение к узуальным употреблением). Конструкция *учну* + инфинитив в этом отношении нейтральна. Особенностью перифраз с *начну* является также то, что они в значительном количестве представлены в нефутуральных хабитуальных контекстах, в отличие от всех остальных конструкций. Конструкции с *учну* и *стану* по процентному распределению весьма напоминают *буду* + инфинитив, при этом *стану* + инфинитив чуть более типична в общефактических контекстах, а *учну* + инфинитив — в итеративных.

Примечательной особенностью *учну* + инфинитив, не отмечавшейся в литературе, является возможность этой конструкции употребляться в дуративно-континуативных контекстах, вовсе не характерных для фазовых глаголов и возможных только для нефазового *буду*, ср.:

- (36) И кто у нее в том ее поместье людеи ее и крестьян *живут* и *вперед учнут*, и волостели наши и прикащики тех ее людеи и крестьян не судят ни в чем [Жалованная грамота, ввозная и несудимая, п. Филарета вдове кн. Ф. Сугорского на поместье ее покойного мужа в с. Михайлове Стороне, Суздальского у. (1620.08.01)].
- (37) А которые воры, тати, или розбойники и душегубцы *учнут сидети* в тюрьмах в городех *до полугода*, и тех воров в городех воеводам и приказным людем и губным старостам, без государева указа, ис тюрем не выпускати [Соборное уложение 1649 г. (1649)].
- (38) *До тѣх мѣстъ стояти будет* государство всякое, *покамѣста* в нем добродѣтель *владѣти будет* и добрые святые и праведные обычаи и постановленья в чести содержанные будутъ [О причинах гибели царств (1600–1610)].
- (39) ...за тѣмъ жалованьемъ намъ стало не подѣ силу, и служить, государи, ни за чѣмъ, и мы холопи *до Овдокіева дни служить*, государи, *будемъ*, а съ Овдокіева дни, государи, мы не слуги, и служить, государи власти, не изъ чего намъ холопямъ [Челобитная стрельцов властям Иверского монастыря о прибавке хлебного жалованья (1662.12.01–1662.12.05)].

Кроме того, в нашей выборке из НКРЯ и в картотеке ДРС встретились примеры употребления вспомогательного глагола *учну* с инфинитивом, который сам имеет фазовое значение:

- (40) А въ государевѣ указѣ 146 году написано: которые мимо государева указа и уложения *учнутъ* собою *вчинать* бить челомъ о мѣстѣхъ, и у тѣхъ велѣно помѣсья и вотчины имать и ссылатъ въ Сибирь [Записная книга Московского стола 7155 года (1646, сентябрь — 1647, август) (1646.09.01–1647.08.31)].
- (41) Который изъ насъ то дѣло *вчинать учнетъ*, и тому вчиннику прежь положить... десять рублевъ [А. Черд., 148. 1695 г.].

На основании рассмотренных примеров можно утверждать, что конструкция *учну* + инфинитив постепенно расширила свою семантику, продвинувшись по пути грамматикализации в имперфективное будущее (уступив, однако, конкурентную борьбу конструкции с *буду*). В связи с этим обращает на себя внимание нечувствительность этой конструкции к подавляющему большинству семантических параметров.

Некоторые выводы

Рассмотрев перифрастические конструкции с вспомогательными глаголами *иму, начну, почну, стану, учну* и *буду*, можно заключить, что различия между этими конструкциями пролегли прежде всего в уникальном сочетании параметров, их различном наборе для каждой конструкции. К числу таких параметров могут быть отнесены парадигматические ограничения, стилистические и дискурсивные особенности (преобладание в том или ином регистре и жанре письменного языка), большая или меньшая склонность к употреблению в определенном типе клауз, склонность к употреблению с определенными акциональными классами глаголов, которые различаются по параметру агентивности и предельности/непредельности/моментальности, а также склонность к выражению определенной аспектуальной семантики (начинательность, итеративность, хабитуальность, общефактическое значение), возможность выражать значения, не относящиеся к спектру начинательности (дуративное и континуативное).

Приписав каждому указанному выше параметру значение 1, если этот параметр у конструкции выше среднего (или просто наличествует для таких параметров, как парадигма или наличие континуативно-дуративных употреблений), и прочим параметрам, принимающим среднее значение или значение ниже среднего, значение 0, можно представить визуализацию различий между рассматриваемыми конструкциями с помощью NeighbourNet в приложении SplitsTree (см. рис.).

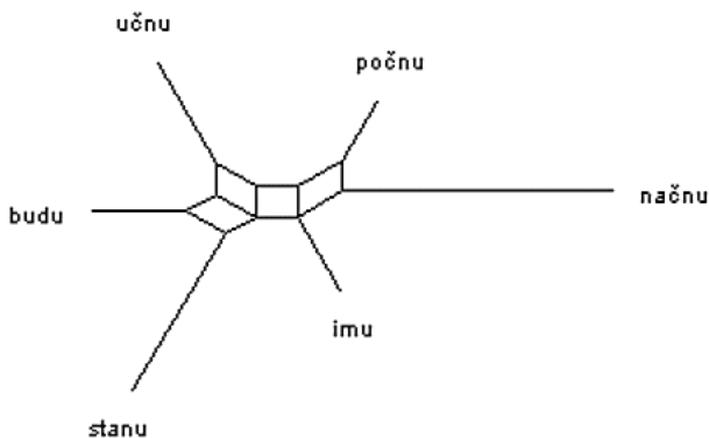

Рис. Визуализация различий между перифрастическими конструкциями по совокупности параметров

На графе мы видим, что конструкция с *учну* располагается достаточно далеко от конструкций с *начну* и *почну*, которые находятся близко друг к другу. Перифраза с *учну*, напротив, оказывается ближе к *буду* + инфинитив. Однако наиболее близка к *буду* + инфинитив конструкция с *стану*. Конструкция с *иму* расположена особняком, однако она явно ближе к кластеру с *начну* и *почну*, нежели к кластеру с *учну*, *буду* и *стану*. По совокупности параметров выделяются два ярко различающихся кластера: старые конструкции с глаголами *начну*, *почну* и *иму* (именно эта группа в большей степени тяготеет к выражению начинательной семантики) и новые пе-

рифразы с глаголами *учну*, *стану* и *буду* (в большей степени тяготеющие к выражению серийной фазовости или к нефазовым общефактическим контекстам).

Список сокращений

AOR	— аорист
FUT	— будущее время
IMP	— императив
INF	— инфинитив
PRS.PFV	— презент совершенного вида
PST	— прошедшее время
PTCP	— причастие

Источники

- А. Черд. — Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. В кн.: *Временник ОИДР*. М.: Университетская типография, 1857. Кн. 25. С. 113–154.
- КДРС — Картотека древнерусского словаря. Хранится в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.12.2021).
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–.

Литература

- Зализняк, Шмелев 2002 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Семантика ‘начала’ с аспектологической точки зрения. В кн.: *Логический анализ языка. Семантика начала и конца*. Н. Д. Арутюнова (ред.). М.: Индрик, 2002. С. 211–224.
- Молдован 2010 — Молдован А. М. К истории фазового глагола *стать* в русском языке. *Русский язык в научном освещении*. 2010, 19 (1): 5–17.
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Пенькова 2019 — Пенькова Я. А. *Иму, учьну, стану, буду: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности*. *Slavistična revija*. 2019, 67 (4): 569–586.
- Пенькова 2021a — Пенькова Я. А. Конструкции с инхоативами в среднерусской письменности и их распределение в регистрах письменного языка. В сб.: *И. А. Бодуэн де Куртэнэ и мировая лингвистика. Междунар. конф.: VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 17–20 нояб. 2021 г.). Труды и материалы*. В 2 т. Р. Р. Замалетдинов, Е. А. Горобец, Э. А. Исламова (ред.). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2021. Т. 1. С. 217–224.
- Пенькова 2021б — Пенькова Я. А. Из наблюдений над семантикой имперфективного будущего в среднерусской письменности. В кн.: *Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С. Б. Бернштейна): материалы Международной научной конференции, Москва, 12–14 октября 2021 г.* Е. С. Узенёва и др. (ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 54–60.
- Пенькова 2021в — Пенькова Я. А. К вопросу о грамматикализации глагола *стати* в истории русского языка. В кн.: *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована*. А. А. Пичхадзе, И. С. Юрьева, Е. А. Мишина, М. С. Мушинская, Ю. В. Кагарлицкий (ред.). М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 51–72.
- Пенькова 2023 — Пенькова Я. А. Инхоативный глагол *учати* в среднерусской письменности: лексика или грамматика? *Русский язык в научном освещении*. 2023, 46 (2): 246–265.
- Пенькова, Крысько 2020 — Пенькова Я. А., Крысько В. Б. Будущее время. В кн.: *Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь*. В. Б. Крысько (ред.). М.: Азбуковник, 2020. С. 21–30.

- Стойнова 2019 — Стойнова Н. М. Будущее НСВ и инфинитивное сочетание с глаголом *стать* как конкурирующие конструкции в современном русском языке. *Русский язык в научном освещении*. 2019, 37 (1): 58–82.
- Храковский 2001 — Храковский В. С. Семантика фазовости и средства ее выражения. В кн.: *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. А. В. Бондарко (ред.). М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 153–180.
- Шевелева 2017 — Шевелева М. Н. К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *Хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах. *Русский язык в научном освещении*. 2017, 34 (2): 194–218.
- Шевелева 2019 — Шевелева М. Н. О древнерусском глаголе *имѣти*, поссесивных конструкциях и сложном будущем с *имамь/имоу* в ранних восточнославянских текстах. *Вопросы языкознания*. 2019, 6: 32–50.
- Шевелева 2021 — Шевелева М. Н. О глаголе *яти* и конструкциях *иму* + инфинитив по данным древнерусских памятников. В кн.: *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована*. А. А. Пичхадзе, И. С. Юрьева, Е. А. Мишина, М. С. Мушинская, Ю. В. Кагарлицкий. (ред.). М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 31–50.
- Шевелева 2023 — Шевелева М. Н. Семантика начинательности глаголов с корнем *-ча/-чън-* в истории русского языка и проблема грамматикализации сложного будущего времени. *Русский язык в научном освещении*. 2023, 1: 66–95.
- Юрьева 2009 — Юрьева И. С. *Семантика глаголов имѣти, хотѣти, начати (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.* Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Юрьева 2011 — Юрьева И. С. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах. *Русский язык в научном освещении*. 2011, 22 (2): 68–88.
- Юрьева 2020 — Юрьева И. С. Инфинитивные конструкции с глаголом *начати*. В кн.: *Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса*. А. А. Пичхадзе (ред.). СПб.: Нестор-История, 2020. С. 296–344.
- Andersen 2006 — Andersen H. Periphrastic futures in Slavic. In: *Divergence and convergence. Change in verbal systems. Issues in explanation*. K. Eksell, T. Vinther (eds.). Bern: Peter Lang, 2006. P. 9–45.
- De Brabanter et al. 2014 — De Brabanter Ph., Kissine M., Sharifzadeh S. Future tense vs. future time: An introduction. In: *Future Times, Future Tenses*. De Brabanter Ph., Kissine M., Sharifzadeh S. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 1–25.
- Grübsch 2022 — Grübsch M. Futurperiphrasen in den Vesti-Kuranty. *Русский язык в научном освещении*. 2022, 43 (1). 217–243.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hopper 1991 — Hopper P. J. On Some Principles of Grammaticization. In: *Approaches to Grammaticalization, Vol. 1*. E. C. Traugott, B. Heine (eds.). Amsterdam: J. Benjamins, 1991. P. 17–36.
- Křížková 1960 — Křížková H. *Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960.
- Metslang 1996 — Metslang H. 1996. The Development of the Futures in the Finno-Ugric Languages. In: *Estonian: Typological Studies I. Ülikooli eesti keele õppetooli toimetised 4*. M. Erelt (ed.). Tartu: Ülikooli Kirjastus, 1996. P. 123–144.
- Moser 1998 — Moser M. *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. Frankfurt/Main etc.: Peter Lang, 1998.
- Penkova 2021 — Penkova Ya. Middle Russian Future Periphrastic Constructions in the Light of Language Contacts. *Scando-Slavica*. 2021, 67 (1): 43–64.
- Seržant 2021 — Seržant I. A. Slavic Morphosyntax is Primarily Determined by its Geographic Location and Contact Configuration. *Scando-Slavica*. 2021, 67 (1): 65–90.
- Swan 2012 — Swan O. E. Why budu? *Russian Linguistics*. 2012, 36: 305–318.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2022 г.
Рекомендована в печать 16 июня 2023 г.

Inchoative verbs in constructions with infinitives in 16th–17th century Russian sources: Searching for the difference*

For citation: Penkova Ya. A. Inchoative verbs in constructions with infinitives in 16th–17th century Russian sources: Searching for the difference. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (4): 739–767. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.405> (In Russian)

The article focuses on the study of differences between phase verbs in constructions with infinitive clause in the 16th–17th century Russian writing. The verbs under discussion are: *načati*, *počati*, *jati*, *učati*, and *stati*, as well as the verb *byti*, which does not belong to phase ones, but competes with them in the simple future tense form. The study is limited to the constructions with auxiliary verbs in the perfective present tense form, i. e., those that refer to the future. The data was collected from the Middle Russian subcorpus of the Russian National Corpus. Contexts from the corpus are classified according to the following parameters: auxiliariness, infinitive, agency/non-agency and telicity/atelicity/punctivity of the predicate in the infinitive form, aspectual semantics of the construction (phasal, iterative, habitual, general factual, durative-continuative meanings), the type of the clause in question, the date and the title of the source, its register and genre. It was found that each periphrastic construction has a unique set of properties associated with the paradigmatic limitations of the auxiliary verb, tendency to occur in a certain clause type, register and genre. The constructions are sensitive to various semantic features of infinitive and aspectual semantics of the context. It is argued that constructions with the verb *učnu* are less associated with the expression of inchoativity since they are attested in the contexts uncommon for inchoative verbs. Two distinct clusters of periphrastic constructions are distinguished: older constructions with the verbs *načnu*, *počnu* and *imu* and newer ones with the verbs *učnu*, *stanu* and *budu*.

Keywords: phasal verbs, aspectual semantics, future tense, periphrastic constructions, history of Russian language.

References

- Зализняк, Шмелев 2002 — Zalizniak Anna A., Shmelev A. D. Semantics of “begin” from the aspectological point of view. In: *Logičeskii analiz iazyka. Semantika nachala i kontsa*. N. D. Arutiunova (ed.). Moscow: Indrik Publ., 2002. P. 211–224. (In Russian)
- Молдован 2010 — Moldovan A. M. To the history of the phase verb *stat’* in the Russian language. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010, 19 (1): 5–17. (In Russian)
- Падучева 2004 — Paducheva E. V. *Dynamic Models in Lexical Semantics*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2004. (In Russian)
- Пенькова 2019 — Pen’kova Ia. A. Imu, uchnu, stanu, budu: A Corpus-Based Study of Periphrastic Future Constructions in Middle Russian. *Slavistična revija*. 2019, 67 (4): 569–586. (In Russian)
- Пенькова 2021a — Pen’kova Ia. A. Constructions with inchoatives in the Middle Russian writing and their distribution in the registers of the written language. In: *I. A. Boduen de Kurtene i mirovaia lingvistika. Mezhdunar. konf.: VIII Boduenovskie chteniia (Kazan. feder. un-t, 17–20 noiab. 2021 g.)*. Trudy i materialy. V 2 t. R. R. Zamaletdinov, E. A. Gorobets, E. A. Islamova (eds.). Kazan: Izdatel’stvo Kazanskogo universiteta Publ., 2021. Vol. 1. P. 217–224. (In Russian)

* The study was financially supported by the Russian Science Foundation, project 20–18–00206 “Distributive-quantitative analysis of semantic changes based on large diachronic corpora”.

- Пенькова 2021б — Pen'kova Ia. A. Some observations on the semantics of the imperfective future in Middle Russian. In: *Mezhkul'turnoe i mezh'iaz'ykovoe vzaimodeistvie v prostranstve Slavii (k 110-letiiu so dnia rozhdeniia S. B. Bernshteina): materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 12–14 oktjabria 2021 g.* E. S. Uzeneva i dr. (eds). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2021. P. 54–60. (In Russian)
- Пенькова 2021в — Pen'kova Ia. A. On the issue of grammaticalization of the verb *stati* in the history of the Russian language. In: *Slova, konstruktsii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti: Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana.* A. A. Pichkhadze, I. S. Iur'eva, E. A. Mishina, M. S. Mushinskaia, Iu. V. Kagarlitskii (eds). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2021. P. 51–72. (In Russian)
- Пенькова 2023 — Pen'kova Ia. A. Inchoative Verb učati in Middle Russian Writing: Lexis Or Grammar? *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii.* 2023, 46 (2): 246–265. (In Russian)
- Пенькова, Крысько 2020 — Pen'kova Ia. A., Krysko V. B. Future tense. In: *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Entsiklopedicheskii slovar'.* V. B. Krysko (ed.). Moscow: Azbukovnik Publ., 2020. P. 21–30. (In Russian)
- Стойнова 2019 — Stoinova N. M. Imperfective future and the infinitive construction of the verb *stat'* ('become') in modern Russian: Competing markers. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii.* 2019, 37 (1): 58–82. (In Russian)
- Храковский 2001 — Khrakovskii V. S. Phase semantics and means of its expression. In: *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaia lokalizovannost'. Taksis.* A. V. Bondarko (ed.). Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. P. 153–180. (In Russian)
- Шевелева 2017 — Sheveleva M. N. On the grammatical semantics of the periphrastic constructions like *imat' byti* vs. *khočety byti* in early East Slavic texts. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii.* 2017, 34 (2): 194–218. (In Russian)
- Шевелева 2019 — Sheveleva M. N. About the Old Russian verb *iměti*, possessive constructions and a compound future with the verbs *imam'/imou* in Old East Slavic texts. *Voprosy iazykoznanii.* 2019, 6: 32–50. (In Russian)
- Шевелева 2021 — Sheveleva M. N. About the verb *iaty* and constructions *imu* + infinitiv according to the Old Russian monuments. In: *Slova, konstruktsii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti: Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana.* A. A. Pichkhadze, I. S. Iur'eva, E. A. Mishina, M. S. Mushinskaia, Iu. V. Kagarlitskii. (eds). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2021. P. 31–50. (In Russian)
- Шевелева 2023 — Sheveleva M. N. Semantics of Beginning of the Verbs with the Root *-ča/-čьn* in the History of Russian and the Problem of Complex Future Tense Grammaticalization. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii.* 2023, 1: 66–95. (In Russian)
- Юрьева 2009 — Iur'eva I. S. *The semantics of the verbs iměti, khotěti, nachati (pochati) in construction with the infinitive in the language of Old Russian monuments of the 12th–15th centuries.* PhD thesis. Moscow, 2009. (In Russian)
- Юрьева 2011 — Iur'eva I. S. Infinitive constructions with the verbs *imam'* and *imou* in Old Russian texts. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii.* 2011, 22 (2): 68–88. (In Russian)
- Юрьева 2020 — Iur'eva I. S. Infinitive constructions with the verb *nachati*. In: *Očerki drevnerusskogo i starorusskogo sintaksisa.* A. A. Pichkhadze (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2020. P. 296–344. (In Russian)
- Andersen 2006 — Andersen H. Periphrastic futures in Slavic. In: *Divergence and convergence. Change in verbal systems. Issues in explanation.* K. Eksell, T. Vinther (eds). Bern: Peter Lang, 2006. P. 9–45.
- De Brabanter et al. 2014 — De Brabanter Ph., Kissine M., Sharifzadeh S. Future tense vs. future time: An introduction. In: *Future Times, Future Tenses.* De Brabanter Ph., Kissine M., Sharifzadeh S. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 1–25.
- Grübsch 2022 — Grübsch M. Futurperiphrasen in den Vesti-Kuranty. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii.* 2022, 43 (1): 217–243.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hopper 1991 — Hopper P. J. On Some Principles of Grammaticization. In: *Approaches to Grammaticalization, Vol. 1.* E. C. Traugott, B. Heine (eds). Amsterdam: J. Benjamins, 1991. P. 17–36.
- Кřížková 1960 — Křížková H. *Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině.* Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960.

- Metslang 1996 — Metslang H. 1996. The Development of the Futures in the Finno-Ugric Languages. In: *Estonian: Typological Studies I. Ülikooli eesti keele õppetooli toimetised* 4. M. Ereht (ed.). Tartu: Ülikooli Kirjastus, 1996. P. 123–144.
- Moser 1998 — Moser M. *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. Frankfurt/Main etc.: Peter Lang, 1998.
- Penkova 2021 — Penkova Y. Middle Russian Future Periphrastic Constructions in the Light of Language Contacts. *Scando-Slavica*. 2021, 67 (1): 43–64.
- Seržant 2021 — Seržant I. A. Slavic Morphosyntax is Primarily Determined by its Geographic Location and Contact Configuration. *Scando-Slavica*. 2021, 67 (1): 65–90.
- Swan 2012 — Swan O. E. Why budu? *Russian Linguistics*. 2012, 36: 305–318.

Received: September 7, 2022

Accepted: June 16, 2023